

ЛАРИСА АГАФОНОВА

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

16+

БЕСТСЕЛЕР

Лариса Евгеньевна Агафонова
Заглянуть за горизонт
Серия «Бестселлер (Союз писателей)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64190762

*Заглянуть за горизонт:
ISBN 978-5-00143-228-9*

Аннотация

Мечтаете сесть за руль своей судьбы и самостоятельно выстроить маршрут? Вам интересно посмотреть, кто и почему сейчас становится дирижёром семейного «оркестра»? Тогда эта книга для вас. Вы узнаете, как стать хозяйкой своей жизни, вместе с главной героиней будете учиться принимать решения, преодолевать сомнения и страхи. Вы познакомитесь с тремя поколениями женщин из одной семьи, на пути каждой из которых встречаются свои омуты и водовороты. В романе Ларисы Агафоновой вы найдёте ответы на вопросы, как переписать типичный «женский» сценарий, навязанный окружением, победить личные комплексы и, наконец, после всех неурядиц обрести себя. Читая книгу, вы не сможете остаться равнодушными к судьбе героини и обнаружите важную истину: для того, чтобы справиться с собственной болью, нужно начать помогать другим.

Содержание

Катерина. Кабы я была царица...	5
Валентина. Без обратного билета	9
Катерина. Счастливы вдвоём	14
Валентина и Руслан. Из огня да в полымя!	16
Катерина. Маленькие радости	25
Отец. Не ждали... и правильно делали!	29
Николай. Явился не запыхавшись	34
Катерина. Дневник доверия	39
Соня	43
Валентина. Перемелется – мука будет	49
Соня-артистка	54
Дела семейные	58
Катерина. Дожить до утра!	64
Катерина. Утро всё-таки настало...	71
Катерина. Замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть!	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лариса Евгеньевна Агафонова Заглянуть за горизонт

*Мечтать и заглянуть за горизонт,
Поверить, что отлично всё сумеешь,
Сберечь родных, держа над ними зонт,
Пусть от усилий руки занемют...
Пусть на пути опасностей полно,
Я лабиринт судьбы пройду с улыбкой!
Я вижу счастье: впереди оно.
В удачу верю! И ценю ошибки.*

© Агафонова Л. Е., текст, 2019

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2019

© ИП Суховейко Д. А., издание, 2019

Катерина. Кабы я была царица...

«Кабы я была царица, – третья молвила сестрица, – я б для батюшки-царя родила богатыря...» Или нет, лучше девицу-красавицу. Только вот царя этого ни днём ни ночью не найти. Перевелись они, как и прЫнцы да царевичи с королевичами. А так хочется хоть на минутку оказаться под чьей-то защитой, сказать: «Милый, у меня проблемы. Поможешь?»

Катерина уткнулась лбом в холодное стекло, зажмурившись так, что стало больно глазам, и на мгновение провалилась в неотвязные, как пчелиный рой, воспоминания.

Когда-то давно Катюша была маленькой беззащитной девочкой. Если вот прямо сейчас прислушаться к себе, то в первую очередь всплывают трогательные кадры из детства. Вот они с мамой идут из садика, Катя подпрыгивает от избытка чувств и норовит прижаться к мамочке (соскучилась за день). Вот они возвращаются из цирка и едят фруктовое эскимо на шершавой палочке, и Катя то и дело норовит лизнуть мамино мороженое (ну так чужое всегда вкуснее!). А вот они вдвоём на длинной, вытянутой тонкой кишкой кухне в общежитии лепят пирожки с картошкой и квашеной капустой – маленькая Катюша с ног до головы перепачкана мукой, но счастлива!

Таких воспоминаний немного. Они тщательно хранятся в памяти, в той самой серебристой, поблёкшей от времени

коробочке из-под карандашей, которую однажды Катя получила на Новый год и с тех пор мысленно складывала в неё самое ценное. Все эти яркие, счастливые воспоминания связаны с жизнью вдвоём с мамой. Всё, что было потом, окрашено в тусклые цвета и почти не вызывает тёплых эмоций. Ну и не надо!

Катерина вздрогнула, оторвала заледеневший лоб от стекла и открыла глаза. Что это она сегодня расчувствовалась? Погода, что ли, действует? Скорей бы уж солнышко выглянуло! Не весна, а так... недоразумение. Вроде бы март, а за окном унылая слякоть и грязные стылые лужи от слежавшихся за зиму куч снега.

Катя потёрла, согревая, щеки, смахнула с лица мечтательную паутинку и вышла из своего кабинета в зал, где работали сотрудники. Клиентов было уже много. Впереди, несмотря на затянувшуюся стильную весну, намечался садово-огородный сезон, и у любителей покопаться в земле заранее чесались руки в его предвкушении.

Одна из новеньких ассистенток, пухленькая смешливая Олеся, уже час билась над дизайном для дотошной пожилой клиентки. Грузная тётушка в синем пуховике, обхватив клетчатую сумку, восседала в кресле с кислой физиономией и, поджав губы, недовольно отклоняла проект за проектом. Две чашки кофе с тающими во рту пирожными ни на грамм не расположили клиентку. Ей всё не нравилось, и девушка-ассистентка явно не знала, что делать.

– Олеся, будь добра, отсканируй документы уважаемой Людмилы Ивановны... – При этих словах дородная тётушка милостиво улыбнулась: как же, сама начальница помнит, как её зовут! – ...у меня в кабинете, а я тебя подменю.

Катерина отправила новенькую выдохнуть и прийти в себя, а сама быстро и ловко убедила вредную клиентку, что абсолютно все её пожелания будут исполнены в точности и дизайн-проект садового участка к вечеру окажется готов.

– Как вам удалось, Катерина? Я думала, эта Крокодила Ивановна меня съест живьём, вместе с костюмом и ботинками. – Олеся с изумлением и восторгом смотрела на начальницу. – Я тоже так хочу.

– Раз хочешь, научишься! – Катя улыбнулась.

Она любила всех своих клиентов, а от укрощения самых строптивых, таких, как эта Людмила-Крокодила, получала самое настоящее профессиональное удовлетворение.

Агентство, хозяйкой которого была Екатерина, стало её детищем, любимым и вынянченным. Мечта, превращённая в реальность. Одни мысли о нём поднимали настроение, заставляли кровь бурлить, вызвали желание придумывать всё новые «фишки».

Но сегодня из-за погоды, а скорее, из-за раздумий, не дающих покоя много лет, на душе не просто кошки, а самые настоящие пантеры скребли. За выходные Катя так и не нашла в себе сил побеседовать с мамой, уже в третий раз откладывая разговор. Ведь приняла же решение! И тысячу раз

прорепетировала свой монолог. А вот поди ж ты, опять не решилась... И эта придирчивая клиентка примерно одного с мамой возраста напомнила, что надо бы выговориться. Ведь столько лет прошло, как отчима похоронили, а Катя всё трусит.

Мама... Такая родная, такая любимая, но вот висит между ними недосказанность, гадкая такая, противная, липкая...

Валентина. Без обратного билета

Катина мама, Валентина, приехала с Украины. Их село было расположено в Винницкой области недалеко от Жмеринки, цивилизация до него не дошла, и Валя сбежала в поисках лучшей жизни, как только ей исполнилось семнадцать. Девушка всегда хотела спрятаться, исчезнуть из дома, стать незаметной. Отец, Степан Наливайко, пил, дрался и материл всех на свете. Когда жена Мария пыталась его остановить, он стучал кулаком по столу и приговаривал:

– Я свою фамилию не подведу, наливай-ка, жена!

Когда он впадал в раж, больше всего, конечно, доставалось матери – забитой деревенской тётке, рано постаревшей, озлобленной и срывающей раздражение на детях. Мужа она боялась, а Валя и её младший брат Семён часто получали от матери затрешины и тычки.

Работы в деревенском доме было много, развлечений в селе никаких, кроме клуба, в котором собиралась подвыпившая молодёжь. Бобинный магнитофон был один на всю округу, он магнитом притягивал окрестных любителей потанцевать и повеселиться. Не избалованные разнообразием парни и девчата с удовольствием отплясывали и подпевали под набившую оскомину попсу. «Чёрный кот», «Последняя электричка», «На седьмом этаже» под пиво да под портвейн – что ещё нужно для полного счастья после трудового дня?

Валя на танцы не ходила. Сколько себя помнила, она мечтала уехать куда глаза глядят, лишь бы подальше от родни. Пьяных девочка не то чтобы боялась (жизнь с пьющим отцом научила философски относиться к бессвязной речи и уворачиваться от брошенных нетвёрдой рукой предметов), скорее, сторонилась. Сама на дух не переносила спиртного и прекрасно понимала, что, останься она в селе, её жизнь пойдёт по накатанному сценарию: замужество, пьющий муж, затурканные дети и вечная ругань.

Валя пошла в отцовскую породу: крупная шатенка, с широкой костью, сильная физически и выносливая. С работой в огороде она справлялась играючи, а всё свободное время проводила в деревенской библиотеке, читала и отдыхала душой от матерщины и пьяных разборок. Мать со временем тоже стала выпивать; а перебрав, сначала плакала и жаловалась на свою долю, а потом засыпала на ходу, падала, где придётся. Утром, пряча опухшие глаза от детей, ворчала больше обычного, и такой расклад повторялся всё чаще.

Валя никому не говорила о своей мечте – уехать, зная, что родители не одобряют потерю пары рабочих рук. Семён вырос послабее и похитрее, норовил улизнуть от хозяйственных дел, а Валя была безотказной, всё горело у неё в руках. Конечно, такую помощницу терять никто не хотел.

Валентина с трудом дождалась окончания десятого класса. Последние два года она копила деньги на дорогу и первые траты в новой жизни. Девочка продавала молоко от ко-

ровы, яйца от кур, ягоды из сада, ездила в Жмеринку на рынок, хитрила, отдавая родителям чуть меньше, чем наторговала. И насобирала небольшую сумму, которой должно было хватить на первое время. Выпускного в школе, которая находилась в соседнем селе, в трёх километрах, у них не было. Ребятам просто вручили аттестаты, поздравили и отпустили, как выразился директор, на все четыре стороны.

На следующее утро Валя, прихватив заранее собранный чемоданчик, написала записку родителям и ни свет ни заря крадучись вышла из дома, надеясь никогда больше сюда не возвращаться.

Ехала Валя целенаправленно в Днепропетровск: собиралась поступать в Институт физкультуры. Очень трезво оценивая собственные силы, зная пробелы в школьном образовании (а половину предметов, как и во многих других сельских школах, у них вёл один и тот же учитель), Валя понимала, что поступить на какие-то престижные специальности она не сможет.

Идти учиться в техникум девушка не хотела. Ей казалось, что только высшее образование позволит вырваться из опостылевшего болота. В их школе был хороший учитель физкультуры, Иван Фёдорович, фронтовик. И, главное, он не пил, как другие (чего уж там, водился такой грешок за некоторыми преподавателями). На физкультуре ребята ходили на самодельных лыжах, бегали и прыгали через «козла», которого сами и смастерили, метали тяжеленные «снаряды».

Валю Иван Фёдорович скупно хвалил, называл «прыгуньей» и «бегуньей». Он-то и посоветовал девушке поехать в Днепропетровск, дал адрес своего однополчанина, который работал в институте, и даже сунул на прощанье аккуратно сложенную «десятку». Валя отказывалась, но Иван Фёдорович буркнул:

– Бери, пригодится, может, вспомнишь добрым словом.

И девушка, чмокнув учителя в небритую морщинистую щеку, поблагодарила и взяла деньги, пообещав написать из города о своей новой жизни.

В институт Валентина поступила довольно легко, сдав все нормативы, немного поволновалась из-за биологии, но удача была на её стороне. Выбрала кафедру физической реабилитации, справедливо рассудив, что такая специализация всегда пригодится. Родителям она написала письмо, сообщив, где учится, и оставив свой адрес на всякий случай.

Ответ пришёл только через полгода. Писал брат Семён под мамину диктовку (у той уже тряслись руки от выпивки). Мать жаловалась, что отец стал совсем буйный, что у неё сил всё меньше, а она, Валька-зараза, бросила их. Семён от себя добавил, что мать часто пьёт, что он сам после девятого класса пойдёт работать трактористом, учиться дальше не хочет, просил, чтобы сестра присылала денег и гостинцев. Валя понимала, что со своей скромной стипендии не сможет откладывать на посылки, но для себя решила, что, как только начнёт зарабатывать, станет помогать родственникам.

Ещё одно письмо Валентина отправила Ивану Фёдоровичу, благодарила за дельный совет и пригодившиеся деньги, рассказала про институт и впечатления от большого города. От него очень быстро пришёл короткий ответ, заканчивающийся словами: «У тебя всё получится, Валентина! Ты только не сворачивай с выбранного пути! Удачи тебе, моя лучшая ученица!» Валя даже всплакнула, прочитав такое тёплое письмо.

Катерина. Счастливы вдвоём

Давно, совсем ещё малышкой, любопытная Катюшка расспрашивала маму о детстве в деревне. Но Валентина замыкалась и лишь изредка из неё клещами удавалось вытянуть несколько фраз. Эта тема всегда была не что чтобы запретной, но глубоко и надёжно спрятанной. Девочка никогда не видела своих бабушку и дедушку по маминой линии, как, впрочем, и по отцовской. Не сложилось с родственниками. Подружек на лето отправляли в деревню, на свежий воздух, подкормиться на домашних харчах, а Катюша всегда проводила каникулы дома, никто нигде её не ждал. Ну и ладно! Зато мама была рядом.

Когда Катюше исполнилось три годика, она впервые задала маме вопрос:

– А почему у подружки Аллы есть папа, а у меня нет? Куда ты его спрятала?

Валентина была внутренне готова к закономерному детскому любопытству, поэтому выдала заранее заготовленный ответ:

– Папа уехал далеко. И не вернётся. Оттуда не ходят поезда и не летают самолёты.

Объяснение не выдерживало, конечно, никакой критики, но для трёхлетнего ребёнка было пока достаточным. На какое-то время Катюша успокоилась. И Валентина тоже, но,

как показали дальнейшие события, зря.

В детстве Катя ревновала маму ко всем: к подружкам, к продавцам в магазине, к университетским коллегам. Как только кто-то отвлекал Валентину, дочка тут же начинала хныкать, теревить её вопросами и требовать внимания. Она словно пыталась впрок запастись маминой любовью.

Эх, если б это можно было сделать, как, например, летние заготовки варенья, фруктов и овощей! Сварил с сахаром материнскую заботу, щедро насыпал ласки, добавил маринад из любви и нежности, тепло укутал, а самое главное – получше закрутил баночки с детским счастьем!

Так что, имеясь в наличии отец, Катя, скорей всего, ревновала бы и к нему. И она вовсе и не расстраивалась, что папы рядом нет. А зачем? Вдруг он окажется, как у Надьки, вечно злющий и будет ругаться на неё, когда она долго одевается. А Ленка рассказывает, что её папка пьёт и вещи из дома тащит. Нет, им с мамой такой точно не нужен, им и вдвоём хорошо! Конечно, если бы был такой, как дядя Жора Петрухин, Аллочкин папа, тогда ладно. А другого не надо.

Валентина и Руслан.

Из огня да в полымя!

Когда Валентина поступила в институт, она как в волшебную сказку попала. Никто не орёт, матом не ругается, не пьёт по-чёрному – рай на земле, да и только! Курс подобрался весёлый и дружный, ребята собрались со всех уголков большой страны: украинцы, русские, белорусы, молдаване, узбеки и дагестанцы. Тогда никто и не думал о межнациональных распрях и склоках.

Романы между однокурсниками завязывались не по национальному признаку, а по большой любви. А любви, как известно, границы неведомы. Вот и Валя, когда за ней стал ухаживать плотно сбитый, широкоплечий и кудрявый парень Руслан Мироненко из Львова, недолго думая, согласилась с ним встречаться. Тем более что внешность у девушки была так себе: широкие плечи, коренастая фигура, узкое треугольное лицо с серыми маленькими глазами, волосы мышиного цвета. Только ямочки на щеках немного скрашивали общую неказистость. В общем, невзрачная Валя проигрывала немногочисленным девушкам курса. Зато характер у неё был замечательный! Добрая, отзывчивая, всегда готовая помочь, неунывающая Валюша привлекала и девчат, и ребят. Друзей у неё сразу оказалось много. А вот парня до третьего

курса не было.

Руслан пришёл из армии на их курс и сразу обратил внимание на Валю. Чем ему приглянулась неприметная сельская девчонка, со стороны было непонятно. Но ухаживал он красиво, как в кино: цветы, фрукты, рестораны. И самое главное – парень всерьёз хотел жениться на тихой Вале, справедливо полагая, что такая жена ему очень подойдёт: в рот смотрит, слова лишнего не скажет, хозяйственная, а что не очень красивая, так это даже лучше, больше мужа любить будет.

Свадьбу сыграли весёлую, студенческую, по-кавказски гостеприимную (мама Руслана была родом из Грузии, вышла замуж за украинца и осталась на Украине). На свадьбу родители прислали сыну мяса и вина, остальное девчонки с курса приготовили сами. Праздновали в общежитии, накрыв составленные столы простынями. Родителей молодых на свадьбе не было. Своих Валя не хотела звать, а у Руслана мать с отцом были пожилые, ехать так далеко уже не могли.

После свадьбы новобрачные поехали в Львовский район познакомить Валю с родственниками. Валя немного побаивалась предстоящей встречи, но отказаться от поездки не могла. Как оказалось, девушка опасалась напрасно: приняли её тепло, радушно, расцеловали, как дорогую гостью. Правда, рассматривали не исподтишка, а в лоб, изучающе оценивали (как лошадь при покупке, разве что зубы не смотрели). Матери Руслана невестка понравилась.

– Работящая она у тебя и весёлая, – в первый же вечер

сказала мать сыну.

И немудрено, ведь Валя, вскочив из-за стола после длительного ужина, сразу стала убирать грязные тарелки, мыть посуду, тихонько напевая при этом украинские песни. А одна из старших сестёр Руслана, присмотревшись к Валентине, вздохнула:

– Ох, намучаешься ты с нашим Русланчиком, девочка...

Валя тогда не придавала значения этим словам, но, как показало время, зря.

Молодожёны вернулись на учёбу, переехали в семейную комнату в общежитии и зажили по-новому. Точнее сказать, изменилась только Валина жизнь. У девушки появились приятные, по её собственному убеждению, обязанности: вкусно накормить и обстирать любимого мужа, нагладить ему рубашки, сбегать в магазин за продуктами. Ни свет ни заря Валюша занимала конфорку в общей кухне и стряпала сырники, блинчики, оладушки да ленивые вареники: Руслан оказался охоч до мучных изделий.

Для Руслана же ничего, в сущности, не поменялось. Домашние дела он игнорировал, отдавал жене часть стипендии, этим его участие в совместном быте и ограничивалось. Он по-прежнему с удовольствием ходил на студенческие тусовки, задерживался в мужском общежитии у неженатых однокурсников, не считая нужным предупреждать Валю. На её робкие возражения, попытки изменить положение дел, прикрикнул на молодую жену, раз и навсегда обозначив своё

право на свободное времяпрепровождение:

– Ты – женщина, сиди и вари обед. А я – мужчина, когда хочу, тогда и прихожу. Ишь, напридумывала себе! Меня к юбке не привяжешь и не думай!

А Валя ничего и не думала, не было у неё нормального опыта семейной жизни. Свой приобретала, на ус наматывала. Посоветоваться Вале было не с кем, подружки по большей части незамужние, родственников рядом нет, да и не стала бы она делиться наболевшим. А Руслан всё чаще не ночевал дома, его несколько раз видели с другими женщинами. Однажды он даже поднял руку на Валю, придравшись к плохо поглаженной рубашке. Девушка, с детства привыкшая, что отец направо и налево раздаёт оплеухи и детям, и супружнице, даже не очень обиделась. Как в русской пословице про любовь и тумак, и верят же в это женщины, до сих пор верят...

А потом Валя забеременела. Дело близилось к защите дипломной работы, девушка закрутилась и пропустила сбой в работе женского цикла. Хотя Руслан её заранее, сразу после свадьбы, предупреждал, что с отпрысками не стоит торопиться. Когда Валя пошла к врачу, оказалось, что срок беременности уже три месяца. Ребёночек развивался нормально, и, как сказала акушерка, самое время рожать первенца.

Валя долго мялась, прежде чем сообщить мужу о ребёнке, искала подходящие фразы, придумала целую речь, но доводы оказались бессмысленны после первых же её слов. Руслан

орал на всё общежитие, брызгал слюной, обзывал жену подлой дрянью и хитрой тварью, сказал, что она специально тянула время, чтобы ничего нельзя было сделать. И уже в очередной раз поднял на неё руку.

Валя, опасаясь за ребёнка, увернулась от прямого удара и, как была в тапочках и халате, выскочила из комнаты. Вслед ей неслись мат и брань, девушка летела по щербатым ступенькам общежития, глотая горькие слёзы отчаяния. Выбежав на улицу, Валентина пошла, не разбирая дороги. Очнувшись она уже в парке, где гуляли молодые счастливые мамы с колясками. Опустившись на скамейку, девушка пыталась успокоиться, но тщетно: слёзы наворачивались всякий раз, когда её взгляд останавливался на гордо вышагивающих мамочках или когда она мысленно возвращалась к событиям в общежитии. Здесь её заметила Ирина Николаевна, довольно пожилая, очень приятная женщина, преподаватель их института, гулявшая с внучкой.

– Валюша, откуда такие слёзы? Случилось что? – участливо поинтересовалась она и присела на лавочку.

Валя, обычно скрытная в отношении эмоций, разрыдалась ещё сильнее. Ирина Николаевна молча сидела рядом, поглаживая девушку по спине, ожидая, пока она успокоится.

Когда поток слёз иссяк, Валентина, перескакивая с одного на другое, рассказала Ирине Николаевне всю свою жизнь, начиная с отца-алкоголика и стремления убежать из дома до неудавшейся семейной жизни и нежеланного для мужа ре-

бёнка.

— Я так старалась, всё делала для того, чтобы Руслану было хорошо, научилась его любимые блюда готовить. А он недоволен. И ребёнок... ну почему муж против него? Мы институт заканчиваем, поедем по распределению, нам жильё дадут, почему же нельзя рожать? Я не понимаю, Ирина Николаевна, — девушка опять начинала всхлипывать. — Он руки начал распускать. За себя мне не страшно, а если по животу ударит? Маленького покалечит?

— Девочка моя, послушай меня, бежать от него нужно, пока не поздно. Я знаю, что говорю. — Ирина Николаевна закатала рукав блузки. — Посмотри на мою руку. Видишь изуродованный локоть? Мне было восемнадцать, когда я побежала под венец по большой, как тогда казалось, любви наперекор родителям. Первый раз муж меня ударил на второй день после свадьбы, придравшись к грязному зеркалу. Нужно было уйти сразу, а я, наивная, думала, что это случайность. Когда я забеременела, он избил меня ногами. Ребёнка я тогда потеряла, конечно. Сама попала в реанимацию с переломами рёбер, раздробленным локтем и внутренним кровотечением. Мне ещё повезло, что соседи скорую помощь вызвали вовремя, иначе кровью бы истекла. Приехали мои родители, помогли быстро оформить развод и забрали меня домой рано зализывать. А мужа посадили. Во втором браке я не могла выносить ребёнка ещё пятнадцать лет. Родила почти в сорок, пролежав всю беременность на сохранении. А рука так

и не сгибается до конца, да и болит регулярно, напоминая, какой дурочкой я была в молодости. Если хочешь спасти малыша и себя, уходи от мужа сейчас.

Валя потрясённо молчала. Подбежала внучка Ирины Николаевны, женщина поднялась со скамейки, сказав на прощание:

– Вот мой адрес. Можешь приезжать, если надумаешь уйти от своего Руслана. Поживёшь у меня до защиты дипломной работы, с распределением я тебе помогу. Держись, девочка.

Валя просидела на скамейке до самого вечера, прокручивала в голове все варианты, поглаживала живот и разговаривала с малышом. И в итоге приняла решение в пользу ребёнка.

– Я справлюсь и одна, – шептала она, пытаясь убедить себя. – Ты будешь только моей девочкой. Я уверена, что у меня родится дочка, мы уедем далеко, где твой папа нас не найдёт.

Первое время Валя ночевала у подруги в общежитии, скрываясь от Руслана. А он и не очень-то искал жену. Привёл в их общую комнату какую-то белобрысую девицу, открыто выходил с ней по утрам в коридор, отправлял на кухню готовить еду. Через месяц на защите диплома он развязной походкой подошёл к Валентине, скривившись, покосился на её чуть выпирающий живот и прокомментировал:

– Что, корова, всё-таки рожать решила? Это без меня. А ты стала ещё страшнее, смотреть противно. Я развожусь с то-

бой, твоё барахло я выставил за дверь. И не вздумай в ЗАГСе говорить о беременности, пожалеешь у меня. И на алименты не подавай, ни копейки не получишь, стерва! – И, не дожидаясь ответа, ушёл из Валиной жизни.

После этого встретились они лишь раз, в зале суда, куда Руслан заявился со своей белобрысой девицей, а Валю сопровождала Ирина Николаевна. Валентина специально надела свободную одежду, живот был ещё маленький, можно было скрыть беременность. Развели их быстро, делить Мироненко было нечего. Как говорится, не нажили. Валя вышла из зала суда почти счастливая, она почувствовала себя свободной от ежедневного липкого страха, сопровождавшего её последнее время.

Распределили Валентину в Воронеж, в хорошее место: Ирина Николаевна постаралась, похлопотав за свою протекцию. Девушка попала на кафедру физкультуры в Воронежский педагогический институт.

Несмотря на уже очевидный живот, Валя активно включилась в жизнь кафедры, организовала женскую студенческую баскетбольную команду, придумывала разные соревнования. Она первая приходила на работу, а уходила с кафедры зачастую последней. Спешить ей было некуда и не к кому. Самый главный человек был всегда с ней – её ещё не родившаяся девочка. Валентина по-прежнему была уверена, что носит под сердцем долгожданную дочку.

Новой сотруднице дали небольшую угловую комнату в се-

мейном общежитии института. Валя сделала косметический ремонт, купила жёлтые занавески в мелкий цветочек и голубое покрывало на старенькую продавленную кровать. Она довольно быстро освоилась и перезнакомилась с соседями. Оля и Жора Петрухины, весёлая семейная пара, преподаватели вуза (она – с кафедры математики, он – информатики), помогли сделать перестановку в комнате, задвинув в угол неподъёмный одежный шкаф, скрипевший, как простуженный рыбац, освободив место для детской кроватки. У них уже была маленькая трёхмесячная дочка Аллочка, с которой Оля сидела в декрете. Валентина крепко сдружилась с соседкой, помогала ей с малышкой, отпускала молодую маму пробежаться по магазинам и просто проветриться.

Валя работала до самых родов, в декрет не уходила: не хотелось сидеть одной в четырёх стенах. Беременность она переносила легко, с нетерпением ожидая появления на свет доченьки. Конечно, на неё косились (как же – беременная, без мужа!), но Валя была настолько светлым человеком, незлопамятным и дружелюбным, что разговоры быстро утихли.

Катерина. Маленькие радости

Катюша родилась в срок, легко, не мучая маму. Она, как сказала акушерка, сразу улыбнулась новому миру. Этакая солнечная девочка с серыми крупными глазками и тёмными, с едва заметной рыжиной, волосиками. Краснолицая, сморщенная, она казалась Валентине самым красивым ребёнком в мире. Девушка оказалась сумасшедшей мамашей, по первому пisku срывавшейся к доченьке, хотя малышка росла спокойной и не требовала особого внимания.

Спокойная, самостоятельная, но очень ревнивая, Катюша не терпела никого рядом с Вале́й. Она могла часами играть в кроватке, не требуя маминой заботы, но, как только кто-то из соседей заходил в комнату, Катюшка начинала громко плакать, требуя, чтобы мама взяла её на ручки и разговаривала только с ней. «Собственница», – улыбалась Валентина. «Эгоистка», – качали головой знакомые. «Настоящая мамина дочка», – умилялись друзья.

Валентина дала Кате своё отчество – Степановна, а вот фамилию менять не решилась, становиться опять Наливайко ей не хотелось. Так они с дочкой остались Мироненко.

Теперь уже Оля часто сидела с двумя девочками, Аллочкой и Катюшей, давая возможности Валентине сходить по неотложным делам. Разница в возрасте у девочек была небольшая, после года и вовсе стала незаметной. Катя росла

крепенькой, пошла в девять месяцев, рано заговорила. Девочки воспитывались рядом, почти как сестрички, не делили игрушки и вкусняшки. Единственное, что отличало их, – состав семьи.

Валентина рано вышла из декрета, отдав Катю в ясли. Не хотелось, конечно, лишать доченьку домашнего комфорта, но надо было работать. Сколько слёз пролила Валя, оставляя малышку в детской группе, сколько дум передумала, но выхода не было. «Эх, была бы у меня мать нормальная, можно было её привезти, понянчилась бы с внученькой! – размышляла Валя. – И Катюшка под присмотром, и я была бы спокойной, да и мама городской жизнью пожила, без этой бесконечной деревенской работы. Но что уж мечтать, коли не сложилось».

В раннем детстве дочка часто болела, простужалась от любого сквозняка, и врач в поликлинике посоветовал вывозить девочку на море, чтобы укреплять иммунитет. Первый раз Валя заняла деньги на поездку у друзей, потом долго отдавала с зарплаты, урезая повседневные траты. Поездка на море помогла, Катюшка почти не болела весь следующий год. Стало очевидным, что ездить на побережье нужно регулярно. Но даже с учётом скромного проживания в частном секторе, в проходной комнате, такие путешествия обходились довольно дорого.

Подумав, Валя пошла на курсы массажистов, надо же было где-то найти дополнительный источник доходов. Руки у

женщины были по-крестьянски сильные, но при этом они хорошо чувствовали проблемные места. Валя и раньше снимала головную боль у подружек своим массажем. Изучив теорию, она почувствовала себя увереннее и стала регулярно приглашать клиентов на дом.

Конечно, это был не совсем законный способ зарабатывать деньги (налоги-то не платились), но многие преподаватели промышляли этим: кто-то репетиторствовал, кто-то вёл секции, некоторые, как Валентина, делали массажи. Валю передавали по цепочке, хвалили её чуткие руки, и скоро она могла уже выбирать клиентов сама.

Одно из тёплых детских воспоминаний: Катя сидит на маленьком стульчике, играет со своей обожаемой тряпичной куклой (была у неё такая любимица в нарядном белом платьице, сшитом мамой), а мама сильными руками мнёт чью-то спину. И каждый раз, подняв голову, улыбается доченьке. И девочка жмурится от спокойного тихого счастья.

Катюша рано стала самостоятельной. В пять лет ходила в магазин за хлебом и овощами, в шесть научилась готовить яичницу и гордилась тем, что кормит маму после работы. Воскресенье Валентина полностью освобождала для общения с доченькой. Они просыпались, валялись в кровати, неспешно строили планы, завтракали непременно блинчиками и шли гулять: в кино на утренний сеанс, в парк аттракционов или в любимый обеими цирк. Это было только их время. Катя обожала такие воскресные вылазки, потому

что чувствовала себя самой главной, единственной в маминной жизни.

Жизнь казалась безмятежно-ласковой, как небо, когда на него глядишь, запрокинув голову, а по гладкому голубому покрывалу плывут белые пушистые облака, в которых угадываются разные фигурки. Катя то и дело поднимала голову и застывала в изумлении: так быстро меняются картинки, не уследишь.

Отец. Не ждали... и правильно делали!

Спокойная и размеренная жизнь едва не рухнула промозглым ноябрьским вечером. Катюша оставалась одна дома. Тётя Оля привела её и Аллу из садика, мама была на массаже. Тусклая осенняя погода за окном не радовала, моросил пробирающий до костей дождик. Девочки на захотели играть и разошлись каждая по своим комнатам. Когда раздался стук в дверь, Катюша, не спрашивая «кто» (у них в общежитии и на ключ-то мало кто запирался), распахнула дверь. На пороге стоял «большой дядька», как она потом рассказывала маме. Мужчина вошёл в комнату, присел на корточки и, не поздоровавшись, спросил:

– Ты Катя?

– Да, – отчего-то смутившись, ответила всегда бойкая Катюша.

– Похожа, наша порода, – внимательно оглядев девочку, пробурчал мужчина. – Я твой папа, зовут меня Руслан, если твоя мать тебе не говорила. Я приехал тебя забрать. Хватит, нажилась здесь, поживёшь теперь со мной.

Девочка задрожала от страха.

– Какой папа? Мой папа уехал далеко и никогда не вернётся, – повторила она врезавшиеся в память мамины слова.

– Это стерва ещё и не то про меня наговорит, – хмыкнул мужчина, выпучив от злости глаза. – Собирайся, поедem со мной!

И тогда Катюша пронзительно завизжала и затопала ногами. Руслан оторопел, а когда попытался схватить вредную девчонку за руку, она увернулась и, продолжая верещать, рванула к входной двери. На её крик в комнату вбежал Жора Петрухин, следом его жена Оля.

Руслан стушевался от неожиданного вмешательства посторонних людей.

– Что вы здесь делаете? – с угрозой наступал на незнакомца Жора, а Оля прижала дрожащую Катюшу к себе и стала её успокаивать.

– Я приехал за дочкой. А вы кто такие? Не лезьте в чужую жизнь!

В этот момент в комнату ворвалась Валя, услышавшая крик дочери ещё на подходе к общежитию. Перепуганная Катюша кинулась под защиту матери. Руслан, сжав кулаки, шагнул к бывшей жене, но Жора встал перед женщиной со словами:

– Сейчас ты выйдешь из комнаты и больше здесь не появишься. Никогда! Ещё раз увижу рядом с общежитием – ноги переломаяю. Качественно так, со смещением. – Жора, высокий, плечистый, мастер спорта по дзюдо, выглядел внушительно.

Руслан, основательно обрюзгший и растерявший форму

за прошедшие годы, отступил, но вышел, пробормотав с угрозой:

– Я ещё вернусь.

И, действительно, возвращался не раз. В общежитие приходил он побаивался, караулил теперь Катю у детского сада, но она никогда не оставалась одна, всегда с мамой или тётёй Олей. Вокруг всё время были люди, а откровенно привлекать к себе внимание Руслан опасался. Однажды путь к садику ему перегородила Валентина, настроенная весьма решительно.

– Что тебе нужно, Руслан? Зачем ты пугаешь девочку? – резко спросила она.

– Не твоего ума дело, женщина! – грубо отмахнулся Руслан. – Мне нужна моя дочь, а с тобой мне не о чем разговаривать.

– Здесь нет твоей дочери. Заруби себе на носу! Можешь на лбу написать химическим карандашом, чтоб не смывалось. Катя только моя, к тебе не имеет никакого отношения. И, вообще, она Степановна. Помнишь, на курс младше учился Стёпка, он ещё на гитаре знатно играл, вот от него я и родила, – Валентина была готова взять грех на душу и солгать, лишь бы обезопасить собственного ребёнка.

Руслан от таких слов озверел:

– Ах ты, стерва гулящая, змеюка ядовитая, рога мнеставляла, а ещё обиженную святошу из себя корчила, – замахнулся он по старой привычке на Валю, но она, даже не

отклонившись, крепко перехватила волосатую руку и сказала как отрезала:

– Только посмей! Я уже не та забитая девчонка, которую ты мог пинать и унижать. Вызову милицию, и тебя тут же заберут. Свидетелями всё общежитие будет. И если я тебя сама хоть раз увижу рядом с домом или детским садиком, напишу заявление о том, что ты хочешь похитить моего ребёнка. Здесь с этим строго, посадят в один миг. А меня можешь считать кем угодно, мне всё равно!

Она развернулась и ушла. Что подействовало на Руслана: угроза тюрьмы, бесстрашие бывшей жены или её предполагаемая измена, неизвестно. Но больше он в жизни Валентины и Катеньки не появлялся.

На волне эмоций молодой женщине даже не пришло в голову спросить у Руслана, зачем ему Катюша. Ответ стал очевидным лишь спустя несколько лет. Как только у них появился первый компьютер с выходом в интернет, Катя зарегистрировала мать в расплодившихся социальных сетях. Валентина стала общаться с однокурсниками и как-то, общаясь с одной из бывших приятельниц, узнала, что Руслан после неё был дважды женат. Оба брака оказались бездетными. Приятельница написала, что Руслан через однокурсников Вали узнавал место её распределения. Наверное, он вспомнил о девочке, которую родила его первая жена и которую он никогда не видел. И Руслан решил, что вот оно – продолжение рода. Видимо, это и послужило причиной его

внезапного и кратковременного появления на горизонте Валентины и Кати.

Николай. Явился не запылился

С момента вторжения Руслана жизнь Валентины и Катеньки начала меняться. Человек, назвавший себя отцом, развалил хрупкую картинку, тщательно нарисованную девочкой: они живут с мамой, папа где-то далеко, он, наверное, хороший, но вовсе и не нужен. И вдруг вместо него явился чужой страшный дядька, вломился в их с мамой уютный маленький мирок и основательно расшатал его.

Катю периодически мучили по ночам кошмары. Она просыпалась внасквозь мокрой от пота пижаме и потом долго не могла закрыть глазки, боясь, что во сне снова придёт пугающий её незнакомец. Девочка стала плаксивой и раздражительной, всё чаще по вечерам прижималась к маме и не отпускала её ни на шаг.

Валя убеждала дочку, что всё плохое закончилось, «ужасный дядька» больше не появится, но её лучезарная девочка стала реже улыбаться и радоваться.

Однажды Валентина с Ольгой сидели на общей кухне в общепитии, как обычно делясь новостями и немного по-женски сплетничая. Валя жаловалась, что Катюша никак не придёт в себя после появления Руслана. Ольга, выслушав подругу, покачала головой:

– Муж тебе нужен, подруга, я считаю. Заведётся мужик в доме, всё спокойнее будет, да и Катюха твоя перестанет

бояться.

– Да я уж и сама об этом стала подумывать. Только где ж его взять, мужа-то? Это только тараканы сами заводятся. Я, сама видишь, не красавица, да и лет мне уже не двадцать, – задумчиво ответила Валентина.

– А давай тебя перекрасим? Посмотри, вот у Кати твои серые глазищи, а волосы каштановые, с рыжинкой, и какая красotka растёт.

– А давай, – согласилась Валя. – Чего терять? Хуже не будет.

Сказано – сделано. Не откладывая в долгий ящик, подружки тут же нашли хну и покрасили Валину шевелюру в тёмно-рыжий цвет. Результат оказался потрясающий! Из зеркала на Валентину смотрела совсем другая женщина – более яркая, более заметная, более уверенная. А в сочетании с её короткой стрижкой, которую она носила с тех пор, как стала делать массаж клиентам (чтобы волосы не мешали), и которая ей удивительно шла, тёмный цвет волос совершенно преобразил молодую женщину.

Новый образ понравился всем, за исключением Катюши. Девочка даже сначала не захотела обнять маму, хотя обычно ластилась и норовила сесть на коленки. На вопрос: «Что не так?» – ответила с детской прямолинейностью:

– Моя любимая мама – светлая, а ты – тёмная, непривычная. А ты точно не станешь старухой Шапокляк? – хитренько прищурилась девочка. (Они с мамой часто разыгрывали

дома сюжеты из любимых мультфильмов.)

– И даже крокодилом Геной не стану, – подхватила игру Валентина, радуясь улыбке ненаглядной доченьки.

Молодая женщина, примерив новый образ, расцвела, стала более заметной, не такой, как роза в пышном букете, конечно, а как скромная маргаритка. И даже тренер по баскетболу мужской сборной их института стал оказывать Вале знаки внимания, хотя работали они бок о бок вот уже несколько лет. Внимание Сан Саныча, конечно, льстило, но он был женат, а с женатыми она даже в мыслях не связывалась.

Время наступило непростое, девяностые годы двадцатого столетия. Продукты в магазинах словно испарились, достать что-то было делом хлопотным и затратным. Всем преподавателям института выделили земельные участки под Воронежем, где желающие активно сажали картошку, свёклу, морковь и даже разводили клубнику.

«Вот что я буду делать с этим огородом? – тоскливо задавала Валя сама себе риторический вопрос. – Была б машина, я б развернулась. Руки-то помнят привычную деревенскую работу. А так? После массажей на перекладных ехать, сажать, полоть. А урожай как вывозить? Одна морока. Но уж взялся за гуж, паши до рассвета. И ночуй на травке».

Кстати, самые активные дачники умудрялись поставить на участке маленькую будочку для ночёвки и бодро рысили на

все выходные на природу.

Таких были единицы, остальные приезжали на общественном транспорте, пахали до темноты и возвращались усталые, но довольные результатами труда.

Вот и Валя, взвалив на себя очередной мешок с овощами, по-бабьи вздыхала и рассуждала про себя, что сейчас муж как раз бы и пригодился.

Как-то осенним вечером Валентина завозилась на участке и не успела на последний автобус, проходящий мимо дач. Хорошо хоть сумки с морковью и свёклой были не очень тяжёлыми, но начал накрапывать холодный дождь, а зонта, конечно же, с собой не оказалось. Да и чем его держать, этот зонт, когда руки заняты плодами своего труда? Разве что зубами.

Остановившись на шоссе, Валентина стала голосовать, но проезжающие мимо машины, как назло, были полными и не могли захватить ещё одного пассажира. Минут через тридцать, когда Валя совершенно окоченела, остановилась маршрутка, шофёр сначала проехал немного дальше, а потом затормозил и сдал назад:

– Залазь, – коротко обронил он страдальце.

Валя с благодарностью нырнула в тёплое нутро машины и попыталась унять дрожь, от которой зубы выбивали даже не чечётку, а самую что ни на есть барабанную дробь.

– Я вообще-то в гараж еду, тут недалеко. Пассажиров уже не беру, смена закончилась, но ты такая несчастная стояла

на этой дороге. Дай, думаю, подвезу, – развлекал водитель женщину, пока Валя, сжавшись в комок, пыталась согреться.

Слово за слово познакомились. Спасителя звали Николай, Коля, как он сразу представился. Жил водитель в пригороде Воронежа, шоферил после армии. Нигде после восьмилетки не учился и был вполне доволен своей судьбой. Валентина рассказала, что одна растит дочку, работает преподавателем в институте.

– Элита то есть... – прокомментировал Николай. – Умная, значит, – уважительно покивал он головой.

Для Валентины Колина реакция была очень необычна и приятна. Не так часто ей делали комплименты, всё больше благодарили за хорошую работу. Коля довёз пассажирку прямо до общежития, донёс сумку до двери со словами:

– Теперь я знаю, где ты живёшь. Как-нибудь забегу, – и распрощался, отказавшись от предложенного Валентиной чая. – Машину мне надо в гараж отогнать. Начальник ругается, когда запаздываем.

Не прошло и недели, как Николай заглянул в гости. Явился он с пустыми руками, но после вкусного ужина, взяв у хозяйки инструмент, исправил плохо закрывающийся замок на входной двери и наточил все окончательно затупившиеся ножи. Коля стал заходить часто, стараясь попасть на ужин, возил Валу на участок, помог вскопать огород и починил всё, что было нужно, в комнате у Мироненко.

Катерина. Дневник доверия

Дядя Коля – запретная тема в сознании, тщательно скрытая в дальнем уголке памяти. До недавнего времени Кате казалось, что ключ от этого тёмного чуланчика потерян. Воспоминания покрылись паутиной, и больше никогда рот не наполнится горькой слюной страха, которую хочется выплюнуть и прополоскать горло горячей водой. Кипятком... Но нет... Смерть отчима всколыхнула, подняла густую затхлую мусть со дна, выплеснула всю недетскую боль юной девчонки...

Воспоминания лезут изо всех щелей, и не заткнёшь их ватой, не замажешь клейстером, который мама варила в тот год, когда в их комнатке появился ненавистный дядя Коля.

Катюше мамин ухажёр сразу не понравился. Девочка собиралась идти в первый класс, занималась на подготовительных курсах и вечерами ждала маму с работы, спеша поделиться с ней новостями, но в гости почти всегда заявлялся дядя Коля. Он был громкоголосый, любил травить анекдоты, не всегда пригодные для нежных детских ушей, громко чавкал за столом и, самое главное, отнимал драгоценное мамино внимание, которое раньше целиком и полностью принадлежало Кате.

Валентина и сама понимала, что Николай не дотягивает

до её уровня, но он был один из немногих мужчин, проявивших к ней интерес. Да и помощь его женщина оценила. В её жизни так мало было случаев, когда для неё что-то делали. Обычно это она безотказно помогала своим многочисленным друзьям.

Через пару месяцев Николай окончательно переехал к Валентине. Оформлять отношения она не хотела, вспоминая первый неудачный опыт. Николай не настаивал, хотя страшно гордился тем, что женщина, с которой он делит постель, такая умная, работает в институте и столько книжек прочитала.

Сам-то он не притрагивался ни к какой печатной продукции, кроме газеты «Спорт». Прочитав, тщательно складывал типографские листы, оставляющие тёмный налёт на пальцах, в стопочку. Экономный Коля использовал газетку под очистки от копчёной рыбы, до которой был страсть как охоч. До сих пор Катя ненавидит её запах, напоминающий о прошлом, бередящий раны, заставляющий прятаться от себя самой.

В комнате у Мироненко мебели было немного, и большой книжный шкаф занимал половину пространства. Коля, за всю жизнь прочитавший, по его словам, полтора учебника, с уважением смотрел, как Валя в любую свободную минуту хватается за книжку. Женщина и дочку приохотила к чтению. Катюша рано выучила буквы и, пока мама делала массажи, читала, как она говорила, жутко интересные книж-

ки. «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров», «Белый Бим Чёрное ухо» – все эти произведения Катя проглотила ещё до школы.

Разбирая как-то завалы на антресолях, Катя наткнулась на свой первый и единственный дневник. Старенькая потрепанная голубая толстая тетрадка с переводной картинкой Микки-Мауса на обложке. Детский, неоформившийся почерк (Катя ясно представила себя маленькую, в коричневой школьной форме с белым кружевным воротничком, с высушенным от усердия языком, за письменным столом, который с трудом поместился в уголке их комнаты); пометки, тщательно, до дыр затёртые лезвием (ну не было тогда корректоров); рисунки главных персонажей девчоночьих записей.

«...Опять приходил этот противный дядя Коля. Хотели пойти с мамой в цирк, а он сказал, что цирка ему в маршрутке хватает. И мама осталась дома».

«...Отключили свет, я притащила нашу с мамой волшебную свечку, а дядя Коля затушил. Говорит, пожар может случиться, и зажжёт керосинскую лампу. Она так воняет! И стихи мама не захотела при нём читать. И я стесняюсь. И его ненавижу. Пусть он больше не приходит...»

Раньше Катя с мамой частенько устраивали поэтические вечера. Когда в общежитии отключали свет, мама с дочкой зажигали свечку и, глядя на колышущееся пламя, вполголо-са читали друг другу стихи. Валентине нравились Ахматова

и Блок, Катюша восхищалась Есениным и Симоновым.

Когда Николай окончательно переехал к своей зазнобе, Катюша осталась одна. Конечно, мама была рядом, но совсем не так, как раньше. Больше не было совместных воскресных вылазок, вечерних посиделок на диване под стареньким клетчатым пледом. Уютный мир с грохотом рухнул с приходом в их жизнь дяди Коли.

Да и времени свободного у мамы почти не осталось. Подработку массажами она не бросала, а вечером спешила приготовить на всех еду. Николай брал с собой на смену обязательный «тормозок», чтобы не тратить деньги в столовой автопарка. Валентина такую бережливость поддерживала, тем более что зарабатывал Коля не очень много.

Соня

Маленькая, да удаленькая

Очень скоро Валентина забеременела. Николай сразу, без раздумий, заявил:

– Будешь рожать, а то у тебя дочка есть, а у меня никого. Наследник нужен. Пацана бы, конечно, хотелось. Но дочка тоже ничего. Будет мне на старости лет борщи варить.

К Кате он относился довольно равнодушно, правда, настаивал на том, чтобы девочка называла его папой. Катюшка пыталась бунтовать, но мама приняла сторону Николая, объяснив дочке, что так будет только лучше. У них же теперь настоящая семья: она, мама, папа. И девочка, скрепя сердце, согласилась, сначала с трудом, а потом привыкла.

Вторую беременность Валентина ходила тяжело, отказалась от госпитализации на свой страх и риск, поскольку видела ужас в глазах Катюши. Девочка так и не научилась засыпать, если мамы не было рядом. Невролог, к которому её направил педиатр, сказала, что ребёнок перерастёт, не нужно акцентировать внимание на страхе или уговаривать её ложиться в постель одну.

Катя до сих пор «в лицо» помнила каждую из тех бесчисленных непослушных овец, которых она пересчитала в детстве, пытаясь уснуть. Даже сейчас, взрослая и уверенная в

себе (ну почти всегда), Катерина жутко боялась бессонницы. На всякий случай в тумбочке хранилось лёгкое снотворное. Что угодно, пусть утренняя боль в висках, пусть пара лишних чашек крепкого кофе, чтобы проснуться, только бы не лежать часами, прокручивая бесконечные мысли в гудящей голове.

Валентина набрала за беременность двадцать килограммов, страшно отекала, ноги превратились в тяжёлые неподъёмные тумбы. Токсикоз длился не в первом и третьем триместре, как это обычно бывает, а все сложные девять месяцев.

Николаю такие изменения очень не нравились, Валентина перестала быть «зазновой» и «Валюшкой», как он прежде её называл, а стала «Валькой», нервной и плаксивой.

– Ты прямо рёва-корова, Валька. Только и делаешь, что мычишь, никак не отелишься, – хохотал он над своей «удачной» шуткой, обнажая мелкие желтоватые зубы. – Когда уже телёночка мне принесёшь?

Катя про себя называла отчима крысёнышем и ревновала маму теперь уже не только к нему, но и к ещё не родившемуся ребёнку. Тем более что подружки её «просветили»:

– Малыша мама будет любить больше, чем тебя. Ты папке чужая, а братик или сестричка будет родной.

– Вот посмотришь, няньку для младенца из тебя сделают, гулять совсем перестанешь.

Катя пыталась расспросить маму об этом, но та лишь отмахивалась. Ей хотелось только одного: доносить ребёнка и родить уже наконец.

Прямо перед появлением малыша Валентина получила долгожданную квартиру. В их институте, несмотря на изменения в стране, сотрудникам ещё давали жильё. Подошла и очередь Валентины.

Они с Колей срочно зарегистрировали брак, чтобы с учётом второго ребёнка можно было претендовать на трёхкомнатную квартиру. Но не получилось: дали только двухкомнатную. Правда, с изолированными комнатами, с отдельным санузлом и крохотной шестиметровой кухней.

Валентина и этой квартире была рада несказанно. Ещё бы, впервые в жизни у неё есть ванна и своя кухня, пусть маленькая, но зато в ней нет надоевших соседей, и никто не стоит над душой, требуя освободить конфорку. Счастливая обладательница отдельной жилплощади отмыла раковину, отдраила ванну и осуществила, наконец, давнюю мечту: повесила на кухне красные занавески в белый горох. Разве это не чудо?

Катюша получила свою отдельную комнату с детским диваном, маленьким письменным столом и невиданным сокровищем – комодом, в котором можно хранить столько всего сокровенного. Правда, мама предупредила, что, когда малыш подрастёт, Кате придётся потесниться.

«Когда это ещё будет!» – подумала девочка и успокоилась.

Рожала Валентина тяжело. Двое суток мучений и раздирающей внутренности боли, без наркоза, без кесарева, для которого не было показаний. А раз нет, так и рожай сама! Тёмной стылой мартовской ночью на свет появилась девочка, крупная, рыжеволосая и крикливая.

– Вот уж намаетесь с ней, – отирая пот со лба, вздохнула уставшая акушерка. – Навидалась я таких шумных!

Измученная Валентина кивала, как китайский болванчик, поглядывая на дочку, ни на миг не прекращавшую кричать.

Девочку называли Соней, якобы в честь матери Николая. Она и была с самого начала вся в родню отца и ни капельки не походила на Валентину и Катю. Про себя Валентина повторяла, что ни в какую свекровину честь она не называла свою младшую дочку. Есть у неё теперь две «императрицы»: Екатерина и Софья. И надеялась, что судьба не обделит удачей девочек, носящих царские имена.

А пока Соня не прекращала плакать. Как только открывала глаза – сразу поднимала крик, поела – и опять вопли. Сначала Валентина пугалась и бегала к педиатру чуть не каждый день. Девочку обследовали, сделали кучу анализов – ничего.

– Она просто привлекает внимание, хочет быть в центре событий, – подытожила невролог.

Сонюшка кричала и днём, и ночью. Новоиспечённый отец потерпел пару недель и выселил Валентину в комнату к Кате.

– Мне на маршрут рано вставать и пассажиров возить. А я который день с гудящей головой еду. Не ровен час угроблю

кого, посадят ведь. Так что ты уж сама с этой горластой спи.

– А как же Катя? Ей в школу утром.

– Подумаешь! Что, она палочки не нарисует? И так шпарит, как пулемёт. Понимать разницу надо! – выходил из себя Николай.

Кате, с одной стороны, нравилось, что мама снова рядом. А с другой – противная Сонька орала не замолкая.

Валентина разрывалась между ребёнком, домашними делами и мужем. На Катю внимания уже не хватало. Девочка заканчивала первый класс, училась на «отлично» и успевала помогать маме.

Катюшка как-то сразу повзрослела, со вздохом приняв, что она теперь старшая, и начала жалеть маму. Ревность к сестрёнке она спрятала так глубоко, что и сама стала забывать о ней. Только иногда, тоскливыми воскресными вечерами грустила, вспоминая их с мамой распрекрасную жизнь вдвоём. И бежала к молчаливому другу, которому можно было всё рассказать. До поры до времени...

«Мамочка такая нервная. То плачет, то вздыхает. И засыпает сразу, как Сонька замолкает».

«...Вчера чистила морковь и порезала палец. Плакала. Никто не пожалел... Научилась строгать капусту».

«...С Сонькой надо было гулять. Не пустили с Аллой в кино».

«...Крысёныш опять на ужин принёс вонючую рыбу и пиво. Маму тошнит от этого запаха, а он смеётся. Ненавижу

ero...»

Валентина. Перемелется – му́ка будет

Летом, когда Катюша окончила первый класс, Валентина однажды сорвалась на мужа. Он не пришёл ночевать и не предупредил об этом. Женщина всю ночь обзванивала больницы и морги, плача от страшных мыслей и предположений. Маленькой Сонечке моментально передалась нервозность матери, девочка орала безостановочно, замолкая только для того, чтобы набрать воздуха для нового крика. Катя, засыпая на ходу, качала кроватку с сестрёнкой, пела ей песенки, носила на руках. Один раз чуть не уронила тяжёлую Соню, уснув на минутку с малышкой на руках.

Николай явился утром, довольный жизнью и ничуть не чувствующий себя виноватым.

– Где ты был, Коля? Я кому только не звонила! Что-то случилось? – бросилась к мужу Валентина.

– Где был, там уже нет. Что ты панику подняла, Валька? Я же мужчина, у меня есть свои потребности, а ты забыла, что у тебя есть муж. Только и думаешь, что о ребёнке.

Валентина оторопела и даже не нашлась сначала, что ответить. А когда до неё дошёл смысл сказанного мужем, она закатила Николаю скандал, с битьём посуды и криками. И наплевать было на соседей, явно слышащих отголоски скан-

дала за картонными стенами. Не до них тут! Коля довольно равнодушно выслушал все претензии и спокойно отреагировал:

– Хочешь, я уйду? Но подумай сначала хорошенько бабьим своим умишком, надо ли тебе остаться одной с грудным дитём да ещё и с Катькой в придачу? Я-то себе найду жену, вон они в очередь выстраиваются, – самодовольно ухмыльнулся кобель местного разлива, почёсывая волосатую грудь. – А вот кому ты нужна будешь? Подумай, Валька, покумекай.

И Валентина, остыв, поразмыслив, спрятала гордость поглубже и приняла ситуацию. Она, как и многие женщины в её положении, даже начала себя винить в случившемся.

«Я ведь и правда мало внимания Коле уделяю. Сонечка все силы забирает. Вот он и ищет ласки и тепла на стороне. Но ведь не уходит же. Не бросает нас. Значит, любит», – убеждала себя женщина.

Если в двадцать два, когда Руслан обидел её своей изменой, она верила, что у неё всё ещё впереди, то сейчас, в тридцать, с двумя детьми и материальной нестабильностью, женщина всерьёз опасалась остаться одна, без мужской помощи.

И простила... А как женщины прощают? Вот так, закусив губы от отчаяния, затолкав поглубже чувство собственного достоинства, наплевав на самолюбие. Доля такая бабья. И не надо кричать: «Вот я бы на её месте!» Не надо. Каждый на своём месте решает, как быть и с кем жить.

Перемелется, мука будет. Перемололось, забылось, отошло на второй или двадцать второй план.

«Катюша, помой посуду», «Катя, погуляй с Сонечкой», «Катка, я уже битый час обеда жду», «Кать, ну некогда мне уроки проверять. Сама как-нибудь, ладно?»... Просьбы, приказы, равнодушие... Катя – помощница, Катя – ответственная, Катя – бесппроблемная.

Конечно, были и другие слова, и мамина мимолётная забота и негромкая любовь, и девчоночьи игры с подружками. Но почему-то до сих помнятся эти фразы, как будто их накрепко вбили молотком в детскую головку.

Катя училась, росла, не привлекая внимания к своим заботам. Она, вообще, почти не чувствовала себя ребёнком. Словно кто-то невидимый провёл жирную вертикальную линию, и детство закончилось вместе с новым браком матери и рождением сестрички, осталось за чертой. Никто не делал скидку на то, что Катя ещё совсем маленькая, ей давали задания и требовали выполнения.

Сама Катя, благодаря любви и жалости к матери, измученной заботами о беспокойном ребёнке, эгоистичном муже и постоянными массажами, быстро повзрослела и приняла как данность свою новую жизнь. Она больше не играла в куклы (тряпичная любимица Маруся, которой они с мамой шили наряды из лоскутков, переселилась в старый ящик с игрушками), постепенно перестала болтаться с подружками на дет-

ской площадке. Ей было некогда заниматься подобными, как она презрительно говорила девчонкам, «глупостями». Катя спешила после школы домой, чтобы отпустить маму на массаж или просто дать ей отдохнуть.

Николай в воспитании дочки почти не принимал участия, иногда с неохотой соглашался понянчиться с Соней, но делал это с нескрываемым недовольством и потом долго и нудно бухтел, что не мужское это дело. В целом Валентина с Колей жили мирно, работали, вкалывали на даче, иногда выбирались на природу с приятелями. Муж в компании больше молчал, немного оживлялся после пары бутылочек пива, а если принимал на грудь больше своей нормы, опять замолкал и угрюмо слушал чужие речи.

– Бирюк он у тебя, мрачный и тусклый, – говорили Валентине приятельницы. – О чём ты вообще с ним беседуешь?

– Да я ж не за болтуна замуж выходила, а за работающего мужика с руками, – Валентина отшучивалась. А у самой на душе черным-черно.

На самом деле они с Николаем практически не разговаривали. Все простые действия: сходить в магазин, поесть, постирать, съездить на огород – были и так понятны и не требовали обсуждения, а других общих тем у супругов так и не появилось.

Всё чаще Валентина выбиралась в кино или по магазинам с подругами. Благо Катюша безропотно оставалась с Сонечкой. Младшая девочка росла капризной, требовательной и

плаксивой. Её первые слова после традиционного «мама» и «папа» были «мне», «дай», «хочу», «ещё», чуть позже появилось слово «купи». И «кака» – для всего, что не устраивало Соню. А не устраивало девочку всё, что не было в её пользу. Она требовала новых игрушек, красивых бантов и свежих фруктов в любое время года. А если не получала желаемое, устраивала истерики, падала в магазине на пол и билась головой и ногами до тех пор, пока пристыженные родственники не обещали ей требуемое.

«Сонька опять головой об пол колошматила в магазине. Маму жалко, стыдно ей за дочку, а той хоть бы хны. Покраснела вся, как помидор, орала на весь магазин. Купили куклу. А собирались мне за кофточкой... Мама сказала, что больше денег нет. Просила потерпеть. Потерплю».

«...Противная Сонька. Как хорошо было раньше...»

«...Вот бы зажмуриться, открыть глаза, и мы опять с мамой одни. Без Соньки и без крысёныша».

Верный безмолвный друг – дневник – терпел слёзы и жалобы. Ну кто-то же должен терпеть!

Соня-артистка

Когда Соня подросла, старшая сестра пыталась объяснить ей, что в семье не всегда есть деньги на её желания и прихоти. На это младшая презрительно отвечала, вздёрнув худенькое плечико:

– Это на тебя нет, а на меня всегда найдутся! Надо уметь не только просить, но и требовать, вот и всё. А ты, пока будешь ждать, так и проходишь всю жизнь в старом платье. Я вот, например, джинсы светло-голубые хочу, такие, как у Маринки из девятой квартиры! И получу, вот увидишь!

– Ты обалдела? Знаешь, сколько варёнки стоят?

– И что? Не моя проблема, пусть папахен трудится на благо дочери, – фыркнула Сонька.

А настоящие джинсы-варёнки были не то чтобы роскошью, а практически недостижимой мечтой каждой девчонки. Можно было, конечно, завязав штаны узлом, в домашних условиях сварить их в кастрюле с содой и хлоркой, завоняв всю квартиру (и не только свою), и получить нечто похожее на фирменные. Но это было бы совсем не то! А Соня захотела настоящие. И получила.

Так и росли в одной семье две абсолютно разные девочки. Одна спокойная, рассудительная, послушная, терпеливая – с виду по крайней мере (а что там внутри, никто и не разглядывал). Другая – взбалмошная, истеричная и самоуверен-

ная. Соня, вообще, с детства была убеждена, что она королева, она самая красивая, и за это её будут любить и всё ей давать. Девочка, действительно, росла симпатичная. Рыжеволосая, с зелёными, как у Николая, глазами, артистичная, она умиляла сначала мамаш на детской площадке, а потом учителей в школе.

– Если б не характер, цены б ей не было, – говорили Валентине на школьных собраниях.

– Артистка растёт, – вздыхали соседи, на которых Соня оттачивала своё мастерство.

– Простите, вы не поможете мне сумку донести, тётя Даша? Голова сильно кружится, всё плывёт перед глазами, – хорошенькая девчонка обращалась к соседке, и та безропотно тащила сумку с мукой, за которой Соню отправили в магазин.

– Зуб болит, мочи нет терпеть. Дайте таблетку, мне ещё контрольную по математике писать... – Прозрачные слёзы горохом катились из глаз девочки в кабинете школьной медсестры, и та писала записку учительнице, чтобы Соню немедленно отправили к стоматологу. Какая уж тут контрольная!

Девочка могла сделать вид, что падает в обморок, заплакать по собственному желанию, разыграть мини-спектакль в школе, на улице или подъезде, если ей это было выгодно. И Соне-артистке помогали выполнить домашнее задание, прощали не сданную вовремя работу или пропускали без очереди к прилавку.

Когда Соню стали привлекать к домашним делам, девочка талантливо разыгрывала, например, вариант с порезанным пальцем, чтобы не мыть полы или посуду. Едва поцарапав кожу, она наматывала бинт в несколько слоёв, жаловалась на дикую боль и, конечно же, добивалась того, чтобы её не заставляли ничего делать. Соня редко повторялась. У неё могла заболеть голова, скрутить живот, ломить ноги и стрелять в ухе. Позже, когда девочка пошла в школу, по её словам, ей задавали очень много уроков. Она уставала, не успевала погулять (а учительница говорила, что нужно бывать на свежем воздухе) – причины менялись, а результат оставался тем же: девочка отлынивала от домашней работы, и при этом её же ещё и жалели.

Кажется, никто, кроме Кати, не догадывался, что Соня – просто лентяйка, привыкшая получать всё и сразу, не прикладывая при этом никаких усилий. Когда старшая дочка приходила к матери с вопросом: «А почему Сонька не помогает мне с субботней уборкой? Когда я в первый класс пошла, уже сама всё по дому делала», Валентина её же упрекала в невнимании к Сонечке:

– Ты, что, не видишь, сестрёнка устала, она бледненькая, ей отдохнуть нужно. Как ты можешь на неё наговаривать? Ты же старшая, сильная, а она у нас слабенькая.

«Сонька снова увильнула от уборки. Я и полы мыла, и пылесосила, а она валялась на кровати с журналом да ещё причитала, что её никто не жалеет. То чаю ей принеси, то моро-

женое достань из заморозки».

«Сестрица не прочитала вовремя повесть по литературе, вечером закатила истерику, что голова болит. Пришлось мне за неё сочинение писать: мама попросила, чтоб нашей «болезненной» «двойку» не вклеили. Гулять не пошла из-за неё. Достала меня Сонька. И мама вечно на её стороне. Верит ей...»

«Вчера чуть не утащила мой дневник. Еле успела выхватить. Придётся теперь его с собой в школу носить. Эта проныра везде найдёт...

И никому не расскажешь...»

Дела семейные

Николай и вовсе не вмешивался в «бабские» дела, регулярно требовал борща и котлет, а кто готовит обед или ужин, ему было всё равно. Он равнодушно относился к детям – как к родной дочке, так и к падчерице, не любил тратить деньги на их обновки, считая, что девочки и так разбалованы. Баловали в основном Соню. Она ни в какую не соглашалась донашивать Катины вещи, требовала новых. Катя с детства спокойно относилась к собственной внешности, а Соня лет с трёх постоянно крутилась перед зеркалом, приговаривая:

– Какая же я красивая, прямо настоящая принцесса Софья, правда, мам-пап? – девчонка требовала от окружающих неизменного подтверждения своих слов.

– Ты у нас красиwiшна, – умилялась Валентина.

– В мою породу пошла! – гордо заявлял Николай, а Катя только фыркала, глядя, как ловкая сестрица вытягивала из родителей новые шмотки.

Валентина всегда удивлялась, какие же разные у неё получились дочери, не похожие ни друг на друга, ни на неё.

Катюша, невысокая, фигуристая, сероглазая, с каштановой косой до попы, неуверенностью в себе, мягким податливым характером и готовностью прийти на помощь.

И Соня, вредная проныра, тоненькая, артистичная девчонка, с зелёными глазами и вьющейся копной рыжих

волос, закрывающих половину лица. Крупный нос немного портил симпатичную мордашку. Другая девочка на месте Сони страдала бы по этому поводу, но только не она. «Это придаёт мне шарм», – заявляла мелкая задавака.

Родители Николая души не чаяли в единственной внучке, часто брали её к себе, всё ей позволяли и баловали сверх меры. А Катю они не замечали, никогда не передавали ей подарки к праздникам, не покупали шоколадки и мороженое. Сначала девочка обижалась, даже плакала от такой несправедливости, а потом, привыкнув держать эмоции при себе, перестала показывать, как ей горько и больно.

Впрочем, Катя, вообще, не демонстрировала собственные чувства, скрывала неприятности и утаивала проблемы. Всё равно никому не было дела до её внутреннего мира, так зачем оголять душу? У неё есть дневник, поверенный тайн и тревог, печалей и размышлений, на его странички выплёскивались и боль, и обиды, и тревоги. До поры до времени...

В четырнадцать Катя резко перестала быть голенастым подростком. Из гадкого цыплёнка с торчащими коленками и лопатками сформировалась симпатичная девушка, ниже среднего роста, стройная и, как быстро выяснилось, привлекательная для парней постарше. На неё стали обращать внимание старшеклассники и студенты, с ней заигрывали взрослые дяденьки на улице.

Сначала девочка с ужасом шарахалась от предложений проводить до дома, потом стала находить прелесть в буке-

тах и конфетах от поклонников. Дяденьки с сальными взглядами были откровенно противны, одноклассники казались зелёными и глупыми, а вот студенты были занятыми. Они старались развлечь понравившуюся девушку, приглашали в кино и дарили цветы.

– А Катька-то наша – ого-го! Расцвела девка, – заметил как-то Николай в разговоре с женой, когда Катя домой вернулась довольно поздно, сияющая и с охапкой ромашек.

Валентине, как всегда, было некогда, она до позднего вечера пропадала на массажах, зарабатывая деньги нелёгким трудом. Дочек видела только утром, убегая на работу, или ночью, падая с ног от усталости. Катя давно уже освободила мать от всех домашних забот, кроме огорода. И то только потому, что у девочки начиналась страшная аллергия на пыльцу и почти на все виды цветов. Катюша задыхалась, покрывалась пятнами, обливалась слезами, и врач-аллерголог, известный в городе специалист, категорически запретил привлекать девушку к полевым и садовым работам.

В этот период преподавателям стали давать участки под строительство. Валентина с Николаем тоже взяли себе шесть соток и начали заготавливать материал, потом потихоньку строиться. На участке сначала возвели кухоньку, поставили диванчик, где можно было переночевать, чтобы утром опять приступить к работе. Валентина с Колей сами месили цемент, клали кирпичи, привлекая наёмных рабочих только в крайних случаях. Денег всегда не хватало, и стройка шла

медленно.

Валентина сразу же принялась сажать на участке деревья и кустарники, построила небольшую теплицу и разбила цветник. Дома она почти не бывала и совсем упустила старшую дочку из виду. Кстати, Соне очень нравилось возиться с мамой в саду, она с удовольствием пропалывала грядки и поливала цветочки. На эту домашнюю работу у девочки всегда находилось и время, и желание.

Николай регулярно уходил в загул, всесезонно чувствуя себя мартовским котом-переростком, но всегда возвращался домой. На привычный диван, к любимым котлетам и жареной картошке.

«Крысёныш опять вернулся утром. Как ни в чём не бывало, заявился и сразу на кухню. Жрёт котлеты прямо из кастрюли. И напевает что-то себе под нос. Сволочь!

Мама вчера снова весь вечер прятала глаза, а потом плакала в своей комнате. Соньке всё равно, а я сунулась с утешениями и огребла по полной. Лезу не в свои дела. Обидно, и маму жалко. Зачем она терпит? Я бы ни денёчка не стала, прогнала бы взащей», – четырнадцатилетняя Катя писала в дневнике и рисовала «мерзкого крысёныша» на виселице...

Валя давно махнула рукой на измены мужа, периодически лечилась от инфекций, принесённых супругом, иногда рыдала по ночам, не в силах разорвать замкнутый круг.

– Что я могу сделать? Я уже в тираж вышла, а он в самом

соку, получается. Бабий век короток: раз-два, и ты никому не нужна, а мужики кобелируют, пока рабочий орган в порядке, – опустив натруженные массажами руки со вздутыми толстыми венами, жаловалась Валентина Ольге, с которой они опять оказались соседками, теперь уже по участкам для строительства. – У нас стройка, огород, детей учить нужно. Я одна не справлюсь. Это раньше я ничего не боялась, когда моложе была, а сейчас... эх... – оправдывала она собственную слабость и безволие. И страх остаться одной. Снова одной, безмужней разведёнкой. Уже с двумя детьми.

– Ох, Валюшка, плохой из меня советчик. Что я могу сказать, если я за Жориком как за каменной стеной. Он у меня и муж, и друг, и отец замечательный. Я без него как без рук. Ты ж сама знаешь. И не было у меня никого другого, и не надо мне. – Ольга вздыхала, жалея подругу, так и не нашедшую своё женское счастье.

У Оли с Жорой была прекрасная семья, тёплые отношения и абсолютно другое распределение ролей. Ольга сделала в институте карьеру, защитила кандидатскую, а через четыре года и докторскую диссертацию. Между диссертациями родила вторую дочку, практически не отвлекаясь от своей любимой науки. Женщина активно занималась исследованиями, участвовала в научных конференциях, соответственно, дома бывала редко и не могла уделять девочкам много внимания.

– Если б не Жорик, я бы так и сидела на печке ровно. Пом-

нишь, как я ничего не успевала и злилась на всех? А теперь не жизнь, а сказка! Приезжаю, дочки накормлены, уроки сделаны, ужин меня дожидается, а Жора знай себе по клавишам своего компьютера стучит. И когда он всё успевает? Как стал работать в институтском компьютерном центре, так я и выдохнула спокойно. Я у них так, мама-праздник.

Ольга, действительно, всё по командировкам да по семинарам ездила, привозила подарки и вкусности. Ей не приходилось ругать девочек, зато она устраивала для них вечеринки с розыгрышами. При этом мама всегда полагалась на мнение папы в воспитании девчонок и не отменяла его запреты и наказания.

Как же Валентина завидовала подруге! Белой завистью, разумеется.

Катерина. Дожить до утра!

Взрослые уезжали на свою бесконечную стройку, Соня цеплялась с ними, а Катя чаще всего оставалась дома, в квартире, вечерами гуляла с друзьями, познавая первые «прелести» взрослой жизни. Девочка стала покуривать, попробовала спиртное. Однажды мать почувствовала запах сигарет от старшей дочери и в сердцах огрела её шваброй. А потом, опустившись на стул, заплакала от собственной беспомощности.

– Дочка, хоть ты не заставляй меня страдать, – попросила она сквозь рыдания.

Кате безумно стало жаль мать, несчастную, рано постаревшую, придавленную работой и постоянной нехваткой денег, капризами Соньки и загулами Николая.

Присев на корточки перед матерью, Катя, как котёнок, потёрлась головой о её колени, молча прося прощения. Валентина, прижав к себе голову старшей дочери, снова заплакала, а Катюша, замерев, ловила капельки такой редкой материнской ласки. Это воспоминание девочка будет бережно хранить в памяти, открывая свой «сундучок с сокровищами», когда становится совсем неспособна. Про злополучную швабру девочка быстро забыла, как, впрочем, и про причину гнева матери, оставив себе только нежность и близость.

«Попробовала с девчонками курить. И чего они врут, что

это круто? Фигня одна. Во рту вкус – как будто мыла наелась. Хозяйственного. И горло саднит. Брр. Но фасон надо держать. А то засмеют.

Мамочка сегодня такая ласковая была. Пусть хоть каждый день сначала ругается, если потом прижмёт к себе... У неё такие нежные руки и запах, как в детстве...»

Курить всерьёз Катя, кстати, так и не начала. Попробовать она решила за компанию с девчонками и ребятами, а после памятной ссоры с матерью легко отказалась от вредной привычки. В будущем затягивалась лишь изредка, когда где-нибудь в помещении дым стоял коромыслом, курили все, и на неё смотрели как на чёрную общипанную гусыню. Потому что подстриглась Катя очень коротко. И покрасила волосы в чёрный цвет (позже)...

После восьмого класса у Кати появился постоянный кавалер, паренёк из их двора, старше на пару лет, тихий домашний мальчик, играющий на скрипке. Сначала Катя смеялась, когда Серёжка стал провожать её из школы, потом привыкла к маленьким знакам внимания с его стороны. А когда он всерьёз предложил встречаться, Катя неожиданно для себя согласилась.

Ей так не хватало нежности и заботы дома, что этот скрипач с его шоколадками и походами в кино заполнил гулкую пустоту в душе девочки. Кате он немного нравился, но не до потери пульса, не до дрожи в коленках. О такой безумной

любви часто рассказывали подружки, одна за другой терявшие невинность. Катя же подошла к отношениям с Серёжей очень прагматично, рассудив, что с ним не стыдно показаться в компании.

«Серёжка меня любит, а я пока не разобралась, зачем он мне. Но ведь прикольно же: стихи мне читает, на скрипке играет. Главное, не уснуть во время его трелей. И к ребятам не стыдно с ним прийти. Он, хоть и музыкант, может и в глаз заехать, если надо. Так что полный «ништяк». И деньги у него есть. Я в такой кафешке первый раз была. Классно, официант такой приветливый, на «вы» обращается.

И, вообще, приятно, когда тебя гладят. Немного щекотно только. А дальше... посмотрим. Может, и с ним попробую...»

Этой записью обрывается дневник, поверенный девчоночьих тайн и трогательных признаний. В нём нет больше ни единой записи. Есть только рисунки. Чёрные и страшные...

Пару летних месяцев Катя с Серёжей ходили в кино, ели мороженое в кафе, целовались ледяными губами на лавочках в городском сквере и обнимались в подъезде. Юность – всё самое первое, трепетное, запретное.

А потом пришла беда. Беда, о которой Катя не смогла никому рассказать, намекнуть, поделиться. Даже дневнику не доверила.

Однажды недобрым августовским вечером Николай пришёл домой в сильном подпитии. И в отвратительном настроении уселся перед телевизором с очередной банкой дешевого пива. Валентина с Сонечкой в ту злополучную ночь остались на фазенде. Катя вернулась со свидания с Серёжкой, прошмыгнула мимо злущего отчима в свою комнату, легла.

Губы горели от жарких поцелуев, мысли бродили вокруг настойчивого предложения парня встретиться у него в квартире в субботу вечером. «Родители на даче, мы одни будем», – намекал кавалер. «Ну понятно же, не чай пить предлагает, – размышляла Катя. – А что если рискнуть?.. А вдруг не понравится?.. Ну надо же когда-то начинать. Девчонки говорят, немножко больно, а потом даже приятно. Мне уже шестнадцать, раньше в это время замуж выходили и детей рожали. Ладно, я подумаю об этом завтра», – со словами обожаемой Скарлетт О'Хара из «Унесённых ветром» Катя провалилась в сон с запретными сновидениями.

Девушке казалось, что ей снится сон – продолжение их с Серёжкой встречи. Жадные мужские руки шарили по девчончьем телу, бесстыдно исследуя маленькую грудь, нетерпеливо спускаясь ниже. «Я, что, решила и пришла к нему домой? – мелькнула в сонном сознании быстрокрылая птичка-мысль. – А почему так противно? Он зубы не почистил? И руки потные».

Девушка распахнула глаза и сначала даже не поняла, что не во сне, а в самой настоящей реальности на неё навалилось

чужое, мерзкое тело крысёныша.

Осознав, что происходит, Катя стала молча отбиваться, не теряя времени на крик и возмущение. Отчим, дыша в лицо перегаром, мычал что-то невразумительное, прижимал девочку к постели, одной рукой ухватив за заплетённую на ночь косу и сдёргивал пижамку. Изловчившись, Катя сильно укусила его в плечо и впилась ногтями в глаз. Николай заорал, ослабил хватку, свалился с края узенькой односпальной кровати, но продолжал сжимать в кулаке рукав старенькой футболки с медвежатами, с которой Катя не хотела расставаться и перевела в разряд «ночнушек». Катя вывернулась, изношенная ткань треснула по шву, и девочка выбежала из комнаты, оставив в руках насильника оторванный рукав. Отчим даже не сделал попытки преследовать девочку, перевернулся на бок, сжимая в руке измятую тряпочку и захрапел.

«Бежать! Срочно бежать из дома! Куда? К маме? Ночь на дворе. Как я попаду на дачу? К Серёжке? Что я ему скажу? – Катя зашлась в рыданиях. – К подружкам? Стыдно-то как. Противный старый дядька шарил по моему телу и слюнявил мерзкими губами лицо».

Мысли разрывали черепную коробку, голову ломило так, что глазам было больно смотреть на полоску света от уличного фонаря, проникающую сквозь красную кухонную штору в горошек. Храп за дверью прекратился. Девочка в ужасе вскочила, замерла, сжалась в комочек в углу кухни. Мерз-

кие раскаты возобновились, перебиваемые несвязным бормотанием. На цыпочках подойдя к своей комнате, Катя прислушалась. Крысёныш матерился во сне, поминая всех родственников и их прародителей.

Катя вернулась в кухню. «Не спать, главное, не спать, – твердила она себе. – Дождусь рассвета и уйду на улицу. Лишь бы он не проснулся! Мама обещала приехать к девяти, чтобы успеть переодеться и на работу убежать. Дождусь и всё ей расскажу, – шептала девочка. – И что я ей скажу? Что её муж сволочь и подонок? Она его точно выгонит. А как же Сонька? Останется без отца, как и я. Ну и что? Переживёт, не она первая. А если мне не поверят?» – шарахнулась Катя от своего предположения.

Маленькая фигурка в отчаянии скорчилась на стуле, обхватив дрожащими руками взлохмаченную голову. Горькие слёзы катились по опухшему личику, искусанные от бессилия губы потрескались и кровили.

Она так и не уснула в эту страшную ночь, ожидая рассвета, и размышляла, прикидывала, спорила сама с собой. Результатом её тягостных раздумий стало наглухо закрытое сердечко.

Катя пришла к мысли скрыть ужасный инцидент. И кто ей помешал бы? Кто подсказал бы другое решение? Не было рядом человека, к которому можно было прийти со своей бедой, болью, страхом. Не было...

«Как же стыдно, что меня лапал крысёныш, – подводила

итог одинокая девочка, ставшая взрослой за ночь. — Этот гад — мой отчим, и он вроде бы даже относился ко мне как к дочери. Раньше по крайней мере. Маму жалко так, что скулы сводит. Каково ей будет узнать правду про мужа? Да и Сонька, какая б ни была, а всё ж сестра. Совсем ребёнок ещё. Пусть живут, как жили. А я справлюсь».

Это стало девизом, рефреном всей дальнейшей Катиной судьбы: справлюсь сама! Сколько их, таких девчонок, взваливших на себя неподъёмный груз обид и горечи? Сколько искалеченных судеб и раздавленных жизней?

Катерина. Утро всё-таки настало...

Часов в семь крысёныш выполз из Катиной комнаты, опухший и помятый. Жадно глотал воду из-под крана, пил таблетки от похмелья и плескался под душем.

Катя, стараясь не встречаться с ним взглядом, прошмыгнула к себе в комнату, собрала грязное постельное бельё и включила стиральную машинку, чтобы ничто не напоминало о гадкой прошедшей ночи. Испорченную футболку разрезала на мелкие кусочки и затолкала в мусорное ведро. Отчим, кажется, ничего не помнил о случившемся, а когда увидел в зеркале свой расцарапанный глаз и синяк на плече, пристал к падчерице:

– Где я так зацепился? Вроде не дрался ни с кем. Не помню, башка совсем чугунная.

– Не знаю, такой пришёл, – буркнула девочка в ответ, а сама сжала зубы так, что они захрустели. «Вот бы врезать сейчас по этой мерзкой морде, чтобы черепушка треснула и мозги наружу вывалились».

– А чего я дрых на полу, да ещё в твоей комнате?

– Где упал, там и дрых. Что мне тебя таскать, что ли, пьяного?

– Посмотри, какая цаца! Могла бы папку и переташить на кровать.

«Папку? – маленькое сердечко затрепыхалось, не в си-

лах справиться с болью. – Ты монстр, настоящий козёл, а не отец!» – кричала Катюша про себя. «Молчи, Катя, молчи, он ничего не помнит, – убеждала себя девочка. – И не надо. Так лучше».

Мама с Соней приехали рано. По дороге успели поругаться: Сонька страсть как не любила рано просыпаться. Ей бы поспать до обеда, потом поваляться всласть, наесться маминых или Катиных блинов. Вот это жизнь! А тут подняли ни свет ни заря, запихнули в маршрутку и подгоняли всю дорогу.

– Что-то ты грустная, Катюша. С Серёжкой поругалась, доченька?

Материнское сердце что-то чуяло, рванулось к девочке, но только чуть-чуть, на краешке подсознания. Ну сделай шаг вперёд, взглядишь в своего ребёнка, почувствуешь, распознаешь её боль! Но нет, не поняла... не увидела... не помогла...

– Да нормально всё, мам, не выспалась просто. Легла поздно.

– Всё б тебе гулять, – уже спокойно и ворчливо вздохнула мать. – А отец чего такой побитый?

– Он такой пришёл, – повторила Катя легенду, навсегда закрепив за отчимом местоимение «он», ни разу в жизни больше не обратившись к нему по имени.

...Никто ничего не заметил, и Катя спряталась, затаилась, замкнулась.

В этот же день Катя обрезала косу. Стала перед зеркалом и отчекрыжила своё богатство, которое отращивала много лет, которым гордилась и хвасталась перед подружками. Её немодная, казалось бы, коса привлекала парней. Длинная, толстая косища почему-то придавала уверенности и подчёркивала нежное девичество. Но именно за неё крысёныш удерживал Катю...

«Никто больше не станет хватать меня за волосы. Никогда! – злобно говорила Катерина своему отражению. – Нет больше нежной Катеньки с каштановой косой, есть новая Катька», – скрипя зубами добавляла она, втирая комкастую краску басму в свои короткие волосы.

Образ получился неожиданный. Из зеркала смотрела очень симпатичная взрослая девушка с огромными серыми глазищами, сверкающими из-под длинной чёрной чёлки. «Вот и хорошо! Теперь только тронь меня!»

Катерина. Замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть!

Девушка ещё больше замкнулась, старалась реже бывать дома, чтобы не встречаться с крысёнышем. Очередным разочарованием стал отъезд и поступление Серёжи в Санкт-Петербургскую государственную консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова. Конечно, влюблённый парень обещал писать и приезжать на каникулы, но Катя прекрасно понимала, что этот роман завершён и продолжения не будет. Тем более что её «случайно» встретила мама Серёжи и мягко намекнула, что не нужно мешать её сыну учиться. Мальчика в северной столице ждёт совсем другая жизнь, и ему нужна девушка другого уровня.

Первое время Сергей писал эсэмэс, инициировал переписку в социальных сетях, настаивал на звонках в скайпе, но постепенно Катя свела контакты к минимуму, давая понять, что любовь на расстоянии её не устраивает. И Серёжа, как ей показалось, с облегчением превратился в старого друга. Общение свелось к банальному обмену новостями, редкому и эпизодическому. Так Катя распрощалась с первой юношеской любовью.

Желание сбежать из дома росло с каждым днём. Каждую ночь девушка с ужасом думала, что пьяный крысёныш может

повторить свою «вылазку» в её комнату. Если мама ночевала на фазенде, Катя подтаскивала к двери стулья, ставила на них коробки с книгами, но всё равно практически не спала.

Пару раз желание рассказать маме правду, как пар из носика кипящего чайника, обжигало лёгкие и грозило вырваться наружу, но девушка сдерживалась, переживая всплеск эмоций. А Валентина... она ничего не видела, погруженная в бесконечные повседневные заботы, Сонькины выкрутасы, подработку и дачу с её непрекращающейся стройкой.

И Катя убегала из дома, скрываясь от непонимания и одиночества. Только разве от себя спрячешься?

На очередной дискотеке она познакомилась с Ваней Тычкиным, студентом первого курса Воронежского государственного технического университета.

Невысокий, плотный, основательный, как он говорил о себе, Ваня не отпускал Катерину ни на шаг. Встречал из школы, даже если ради этого приходилось прогуливать пары в университете, не сводил с неё восхищённого взгляда в любой компании.

Какой девушке это не понравится? Ваня даже исполнил Катину заветную мечту и научил кататься на лошади. В общем, постепенно стал незаменимым. Катя не то чтобы влюбилась, она просто прислонилась к надёжному, как ей казалось, плечу, отогрелась, оттаяла.

Отношения с Ваней развивались стремительно и совсем не по тому сценарию, как с Серёжей. Платоническая любовь

быстро сменилась плотской. Гормоны играли, пара постоянно искала укромного местечка для уединения. Когда девушка в первый раз осталась ночевать в общежитии, мать устроила ей головомойку, кричала, что Катя станет шлюхой, а Ваня наиграется и бросит её. Дочь в ответ кричала, что у них любовь, они хотят быть вместе и никто не может им помешать.

– Тогда женитесь! – в сердцах бросила Валентина.

– Ну и пожалуйста, поженимся! – упрямо фыркнула Катя.

Хлопнув дверью, Катерина прибежала к Ване, в красках передала ему разговор с матерью, заявив, что мать поставила ей ультиматум: жениться или расставаться. На волне эмоций, кипя от злости, она немного сгустила краски, но Ваня, как ни странно, отреагировал очень позитивно и предложил зарегистрироваться. Конечно, Катя ещё была школьницей, впереди маячил одиннадцатый класс, но желание сбежать из дома, подальше от крысёныша, было столь велико, что возраст не останавливал девчонку.

Валентина поворчала, конечно, что замуж выходить рано, что нужно окончить школу, но в душе понимала, что отговаривать Катюшу неправильно. Она сама подтолкнула девочку к такому решению и теперь могла только помогать.

– Она так рано повзрослела, совсем самостоятельная стала. И решения принимает сама, – рассказывала Валентина Ольге. – Да и гнетёт её что-то, не могу понять что, а она молчит, не раскрывается. Замкнулась моя девочка. Моя вина в

этом есть, и немаленькая. Я привыкла, что Катюша рассудительная и уравновешенная, все силы на Соню бросила, да и стройка эта нескончаемая последнюю кровь выпила. Вот и получила дочь-невесту шестнадцати лет.

Справку о беременности, без которой молодых бы не расписали, достала тоже Валентина. Благо знакомый гинеколог у неё была, ещё со времён рождения девчонок. Со школой, конечно, возникли проблемы.

«Как же так? Школьница? Замужем? Это же аморальщина полнейшая и развращение всех остальных, – истерили педагоги. – А если каждая девица станет в школьном возрасте рожать?»

Но директриса пользовалась услугами Валентины в качестве классного массажиста и, повозмущавшись для порядка, пошла ей навстречу. Тем более что Катя училась хорошо, вела себя прилично.

«А что замужем, так это даже лучше, чем просто болтаться с мужиками», – рассудила директриса. Немного лукавила, конечно. Свою дочь она бы так легко замуж не отдала. Так это ж свою!

Свадьбу сыграли скромную, на ресторан денег не было. Хватило только Катюше на короткое пышное платье и фату да на домашний торжественный обед. Приехали Ванины родители и его старшая сестра. Им невестка понравилась, даже несмотря на юный возраст.

Молодым да ранним дали комнату в семейном общежи-

тии института, в котором учился Ваня. Родители с обеих сторон собрали небольшое приданое: старенькую мебель, постельное белье и кастрюльки-поварёшки. И зажили Катя с Ваней собственным домом. Молодая жена успевала всё: учиться в одиннадцатом классе, готовить вкусные обеды и ходить на дискотеки. Она раскрепостилась, перестала плакать по ночам и вздрагивать, если хлопала входная дверь. Их комната превратилась в центр студенческой жизни, здесь часто устраивались посиделки, гости не переводились.

Первый год семейной жизни остался одним из самых приятных и лёгких в Катиной копилочке воспоминаний. Катя с Ваней как будто играли в игру под названием «взрослая жизнь». Им было весело затевать субботнюю уборку в маленькой комнатке в общежитии. Чувствуя себя важными, они составляли список покупок, исходя из крошечного семейного бюджета; распределяли обязанности и спорили, кто будет выносить мусор. Любые споры заканчивались подушечными боями и бурным примирением в постели. Ребята даже не ссорились, не было поводов для выяснения отношений.

По выходным Катя с мужем иногда ходили в гости к матери – не столько пообщаться, сколько поесть вкуснящего украинского борща, который мастерски готовила Валентина. Тем более что по субботам Николай чаще всего работал, а встреч с ним Катя старательно избегала. Соня ревновала мать к сестре, боялась, что Катя будет просить денег и ей

меньше достанется. Поэтому старалась не оставлять Валентину со старшей дочкой наедине, и Кате с мамой редко удавалось поговорить по душам. А так хотелось иногда прижаться к тёплому маминому боку и замереть, не думая ни о чём.

Кстати, Катина аллергия на цветение благополучно прошла. Что стало причиной избавления от неприятной болячки, непонятно. Как неясно и то, что было пусковым механизмом. Но факт оставался фактом, теперь девушка смело могла оставаться на фазенде без вреда для здоровья.

Ваня, истинный городской житель, рассматривал дачу исключительно как место для отдыха: шашлыки пожарить, в гамаке поваляться, на шелковистой травке позагорать. Он искренне недоумевал, если его просили помочь вскопать грядки под рассаду помидоров или подвязать отросшие лозы винограда. И постепенно перестал ездить с Катей на фазенду, ссылаясь на неотложные дела и загруженность в университете.

А Катюша с упоением занималась ландшафтным дизайном в саду и цветнике, пересаживала и прививала растения, словно навёрстывая то время, когда она не могла и близко подойти к цветущим абрикосам и вишням, одуряюще пахнущим розам и нежным сентябринам.

– Катька, ты гений! – восхищённо вздыхала соседка, приходившая за рассадой. – Сухую палку воткнёшь, она и то зацветёт.

– Ну, палка-то вряд ли, – отшучивалась Катя, но стоило ей

поговорить с подмёрзшими за зиму веточками яблони, как они оживали и начинали робко зеленеть.

У девушки, действительно, оказалась лёгкая для растений рука. Валентина сажала клубнику несколько лет, обрезала усики, поливала и подкармливала, а та всё никак не плодоносила и чахла. А Катя с первой же попытки высадила несколько сортов, и хоть бы какой кустик завял! Все до одного прижились. А ещё девушка натащила во двор камней различной формы, соорудила посреди цветов замысловатую горку. Посадила на неё купленного по дешёвке гномика в красной шапке, в синих штанах с помочами, и двор преобразился, стал живым организмом, задышал. Соня к этому времени, наоборот, потеряла интерес к «копанию на грядках», от которого ломались ногти и обветривалась кожа, и предпочитала валяться в гамаке с журналом мод.

Перед Катиным выпускным у Тычкиных случился первый серьёзный конфликт. Ваня жутко ревновал жену к одноклассникам и пытался запретить ей идти в ресторан после вручения аттестатов – отмечать долгожданную свободу от школы. А Катя, возмущённая позицией мужа, не стала дипломатично искать варианты компромисса, а заявила, что обязательно пойдёт и будет гулять, как и положено, до утра. И точка!

Ваня, надувшись, как мышь, нет, как хомяк на крупу, ушёл ночевать к другу. Впервые со дня свадьбы супруги не помирились перед сном. Эх, говорят старики, что «быт

рассорит, постель помирят». В этот раз не сработало...

В качестве тяжёлой артиллерии Катя привлекла мать, после долгого разговора с которой Иван, скрепя сердце, согласился с тем, что Катя пойдёт на выпускной, но оставил за собой право обижаться и дуться на жену.

– Детский сад, – жаловалась Валентина Ольге. – Сидят, как малыши, по разным углам комнаты и делят «горшки да игрушки». Что поделаешь, они ещё дети, только со штампом в паспорте.

История с выпускным ещё долго была камнем преткновения в семье. Если Ваня хотел побольнее уколоть жену, припоминал ей «ночные гульки». А Катя не могла забыть, что Иван пожадничал денег на выпускное платье, пришлось просить у матери.

Вопрос с выбором вуза Катей был давно решён. В Воронежском государственном лесотехническом институте была специальность «ландшафтная архитектура», привлекательная для девушки и, что немаловажно, с бюджетными местами.

Одиннадцатый класс Катя окончила хорошо, семейная жизнь не помешала получить аттестат без «троек». Легко сдала вступительные экзамены и с энтузиазмом погрузилась в студенческую атмосферу.

Институтская жизнь захватила Катю своей активностью и насыщенностью. Девушка попала в среду единомышленников, ребята собрались креативные, с отменным чувством

юмора. Частенько после занятий они уходили в парк или заваливались к кому-нибудь в «общагу», вместе готовились к занятиям, шумно обсуждали преподавателей и интересные предметы. Нередко местом сбора была комната Тычкиных. Катя кормила ребят собственноручно приготовленными пирогами с яблоками и капустой, заваривала крепкий чай, гости иногда засиживались до позднего вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.